

18. Мукомель В.И. Диаспоры в России; молдавская и таджикская диаспоры (сравнительный анализ) // Современные миграционные процессы: состояние и основные формы: мат-лы междунар. науч.-исслед. семинара. Тирасполь, 2016. 326 с.

19. Мукомель В.И. Трудовые мигранты в контексте проблем демографического, экономического и социального развития // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России. СПб.: ООО «Скифия принт», 2016. 192 с.

20. Мухаметшина Н.С., Кандауров С.П., Явкин Н.В. «Новые мигранты» в региональном сообществе: практики взаимодействия и интеграционный потенциал / под ред. Н.С. Мухаметшиной. Самара: Самарск. гос. арх.-строит. ун-т, 2011. 108 с.

21. Мухаметшина Н.С., Кандауров С.П., Явкин Н.В. Стратегии освоения регионального социума мигрантами из постсоветских государств / под ред. Н.С. Мухаметшиной. Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2015. 180 с.

22. Мухаметшина Н.С. Проблемы интеграции мигрантов в региональный социум // Известия СНЦ РАН. 2013. Т. 15, № 1, С. 138–142.

23. Мухаметшина Н.С., Явкин Н.В. Мигранты из государств Закавказья в Самарской области // Известия СНЦ РАН. 2016. Т. 18, № 6. С. 224–229.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ и Правительства Самарской области в рамках научного проекта № 16–13–63005.

«CULTURE OF DAILY LIFE» IN THE CONTEXT OF INTEGRATION OF MIGRANTS FROM THE CAUCASUS COUNTRIES

© 2017

Mukhametshina Natalia Semenovna, doctor of political sciences, professor of Social and Humanities Department
Samara State Technical University (Samara, Russian Federation)

Abstract. The paper deals with the results of standardized and in-depth interviews with representatives of the Caucasian peoples (Azerbaijanis, Armenians and Georgians), now living on the territory of Samara and Samara Region. The interviews were executed in 2016–2017 within the project supported by the Russian Foundation for Basic Research. The main areas of study of sociocultural problems of migration in the Russian science were discussed. The survey results registered preservation and functionality in the new environment of such markers of cultural boundaries as the ethnic style of the house interiors (carpets, glassware, national flag, pictures, etc.), the use of national cuisine, musical selections. Every second respondent notes, that he continues to read the periodical press in mother-tongue. Such indicators of cultural potential of diaspora communities as communication with representatives of other people and the installation in matrimonial behavior are considered. Representatives of the Caucasian diaspora communities demonstrate differentiated by groups of analysis interaction with neighbors and colleagues. Armenians most closely communicate with neighbors and co-workers. Almost all respondents indicate close contact with friends, among them representatives of different nationalities. The vast majority of respondents are positive about the inter-ethnic marriage. Close communication and friendship with representatives of host community, and positive attitudes in matrimonial behavior is something we see as the individual integration strategy, contributes to integration of foreign culture migrants from states of the Caucasus in the host community.

Keywords: attributes of ethnic culture; states of Caucasus; matrimonial behavior; diaspora communities; Caucasian communities; markers of cultural boundaries; culturally distinct migrants; migrants; Samara Region; social adaptation; individual and group integration strategies; host community; ethnic culture.

УДК 929

Статья поступила в редакцию 24.09.2017

ВОСПРИЯТИЕ ВОСТОКА И ЗАДАЧИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ ВО ВЗГЛЯДАХ В.Н. КОКОВЦОВА И П.А. СТОЛЫПИНА

© 2017

Суворов Валерий Владимирович, кандидат исторических наук,
ассистент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии
Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского
(Саратов, Российская Федерация)

Аннотация. Деятельность В.Н. Коковцова и П.А. Столыпина, связанная с положением России на Дальнем Востоке после поражения в Русско-японской войне, проходила в условиях необходимости решения задач восстановления боеспособности русской армии, улучшения обороноспособности Дальнего Востока и интеграции этого региона в рамках империи. В этих условиях было выражено понимание важности поддержки восточных регионов Российской империи, в которых виделся огромный потенциал для социально-экономического развития, при осознании необходимости избегать военных столкновений в Азии. В.Н. Коковцов оказался вовлеченным в дальневосточные дела, став преемником Витте на посту министра финансов, так как данное министерство продолжало играть во многом определяющую роль в восточной политике. Если в восточной политике С.Ю. Витте акцент делался на развитие внешних связей России и азиатских государств и стремлении усилить влияние России в дальневосточном регионе, то восточная политика после Русско-японской войны была в большей степени ориентирована на развитие восточных территорий России. При росте осознания значимости внутренних восточных регионов России, усиливалось негативное отношение к восточным территориям. Самарский научный вестник. 2017. Т. 6, № 4 (21)

сточным государствам, с которыми граничила Россия. В целом программа правительства по хозяйственному освоению Дальнего Востока дала импульс для развития региона.

Ключевые слова: Владимир Николаевич Коковцов; Петр Аркадьевич Столыпин; Сергей Юльевич Витте; Николай II; Русско-японская война; Портсмутский мирный договор; Российская империя; образ Востока; Сибирь; Дальний Восток; Азия; Амурская железная дорога; переселенческая политика; Китай; Япония; министерство финансов.

Образ Востока в начале XX века в российском обществе и отношение к нему определялись пониманием тех задач, которые стояли в то время перед Россией. Активизация дальневосточного направления внешней политики России была связана с деятельностью С.Ю. Витте, занимавшего пост министра финансов (1892–1903 гг.), при этом его деятельность выходила далеко за пределы круга вопросов, которыми занималось министерство. Витте, понимая особую историческую роль России на Востоке, осознавал гибельность для нее вовлечение в военные столкновения и стремился исключить такого стечения обстоятельств в Азии, одновременно стараясь развивать железнодорожное сообщение Дальнего Востока и Центральной России [1]. Однако, уже занимая пост премьер-министра, в разгар Русско-японской войны Витте стал свидетелем краха всей дальневосточной политики. Его преемники В.Н. Коковцов (министр финансов в 1904–1905 и 1906–1914 годах, председатель совета министров с 1911 г.) и П.А. Столыпин (председатель совета министров 1906–1911) не остались в стороне от восточной политики, однако их деятельность проходила в условиях необходимости решения задач восстановления боеспособности русской армии после поражения в войне с Японией и укрепления обороноспособности Дальнего Востока.

Наряду с изучением общих вопросов деятельности В.Н. Коковцова на государственных постах и в эмиграции [2; 3] ряд авторов обращается непосредственно к его роли в дальневосточных делах [4; 5]. Деятельность и реформы Столыпина всегда находились в центре внимания исследователей, однако его роль в восточной политике России, как правило, специально не рассматривалась, а обращение к ней происходило в контексте его реформаторской деятельности, важное место в которой занимала переселенческая политика в Сибирь, Казахстан, Киргизию, на Алтай и Дальний Восток [6–11]. Однако их восприятие Востока и понимание задач дальневосточной политики России до сих пор не являлись предметом специального исследования.

В.Н. Коковцов оказался тесно связан с восточной политикой еще в период Русско-японской войны, когда находился на посту министра финансов. В воспоминаниях он дал развернутую характеристику роли министерства финансов в период войны с Японией [См.: 4]. К своим личным заслугам В.Н. Коковцов относил то, что он сумел изыскать источники финансов на ведение войны, которыми, как он сам отмечает, стали внешние и внутренние займы [12, с. 29–30], сохранить в ведении министерства финансов Восточно-Китайскую железную дорогу и повысить ее пропускную способность [12, с. 38–39], что сыграло важную роль в проведении военных операций. В.Н. Коковцов отмечал, что после поражения русского флота в Цусимском проливе император впервые потерял надежду на «славное для России окончание войны» и не видел «теперь надежды на скорую

победу и думает только о том, что нужно тянуть войну, доводить японцев до истощения и заставить их просить почетного для нас мира» [12, с. 69]. В письме от 30 июня 1905 г. министр финансов, говоря о русских интересах, понимал их как «отказ от наступательной политики на Дальнем Востоке при сохранении непрерывной связи Сибири с Тихим океаном» [13, л. 3 об.]. Характеризуя роль С.Ю. Витте в подписании Портсмутского мирного договора, Коковцов писал: «Как бы ни относиться к Витте, справедливость требует сказать, что он вышел с величайшей честью из трудного положения» [12, с. 73], хотя отмечает также и роль императора в получении выгодных условий.

В.Н. Коковцов в своих воспоминаниях отмечал особую роль министерства финансов в решении восточных вопросов. Характеризуя обстоятельства заключения Портсмутского договора, он писал: «Привычки постоянно иметь самые близкие отношения к Витте, в бытность его Министром Финансов, Гр. Ламсдорф перенес часть этой близости на меня как на его преемника, – но главным образом в том, что все вопросы финансовые, экономические и промышленные сосредоточивались по Китаю, Японии и Персии в Министерстве Финансов, и трудно даже сказать, какое ведомство имело наибольшее влияние на дела этих трех стран: дипломатическое ли или финансовое» [12, с. 75–76]. Позднее Коковцов писал, что министр иностранных дел Извольский никогда не советовался с ним по европейским делам. Исключение из этого правила «допускалось им [Извольским] только для дел, касающихся Китая, Японии и Персии, по которым, еще со времени Графа Витте и Гр. Ламсдорфа, установилось, что все существенные вопросы проходят при постоянном участии Министра Финансов, в силу того, что Китайская Восточная железная дорога находится в его ведении, в Персии имеет огромное значение Учетно-Ссудный Банк, а в отношении Японии Извольский часто в шутку говорил, что он был бы рад вообще передать мне весь Японский отдел его Министерства» [12, с. 333].

Если в восточной политике С.Ю. Витте акцент делался на внешних связях России и азиатских государств и стремлении усилить влияние России в дальневосточном регионе, то при его преемниках восточная политика была в большей степени направлена на развитие восточных территорий России. Отношение Столыпина к восточным регионам России нашло отражение в его речи перед Государственной думой в марте 1908 г.: «Не забывайте, господа, что русский народ всегда сознавал, что он осел и окреп на грани двух частей света ... это его сознание выражалось всегда и в стремлении к переселению, и в народных преданиях, оно выражается и в государственных эмблемах. Наш орёл, наследие Византии, – орёл двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему орлу одну голову, обращенную на Восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кро-

вью» [14, с. 129]. Уделяя особое внимание Азиатской России, П.А. Столыпин немало сделал для организации массовых переселений крестьян.

Столыпин стремился обратить энергию развития страны на ее восток, который имел значительный потенциал, но пробуждался слишком медленно из-за ряда причин – прежде всего, плохо развитых коммуникаций [8, с. 326]. В.Н. Коковцов в своих воспоминаниях писал о представлении министерства путей сообщения о начале строительства Амурской железной дороги: «Лично Столыпин и весь Совет Министров, не исключая меня, отнесся к этому представлению как делу величайшей государственной важности. У всех на памяти была еще только что изжитая по ее последствиям русско-японская война. Все помнили хорошо, какую службу сослужила, во время этой войны, Восточно-Китайская железная дорога; всем было до очевидности ясно, что при новом столкновении с Японией или Китаем эта дорога оказалась бы под несомненным ударом нашего противника, который оказался бы гораздо более подготовленным к разрушению ее, нежели оказалась в 1904 году Япония» [12, с. 321]. Министр финансов отмечал: «необходимость связать рельсами наш Уссурийский край с Восточной Сибирью и всюю Россией, совершенно независимо от Восточно-Китайской дороги, которая в 1936 году могла быть выкуплена Китаем, а по окончании срока концессии поступала безвозмездно в его обладание, – все это делало вопрос о неизбежности постройки этой дороги только вопросом времени» [12, с. 322]. П.А. Столыпин, отстаивая необходимость постройки Амурской железной дороги, говорил, что Россия должна быть сильна «на нашем Дальнем Востоке не для борьбы, а для прикрытия нашей национальной культурной работы, которая является и нашей исторической миссией» [15, с. 121].

Характеризуя мнение императора по поводу строительства железной дороги, В.Н. Коковцов писал: «Государь, всегда принимавший особенный интерес во всем, что касалось Сибирской железной дороги, и считавший вопрос как бы своим личным делом с тех пор, как, будучи Наследником престола, он произвел закладку последнего участка дороги, выходящего к Владивостоку, не раз говорил об этом деле и со Столыпиным, и со мною. Он всегда горячо отстаивал необходимость постройки сплошной железнодорожной линии, идущей по русской земле, постоянно повторяя, что Он уверен в том, что Китай воспользуется первой возможностью, чтобы выкупить дорогу, и мы останемся тогда в полной разобщенности нашей дальневосточной окраины от центра государства» [12, с. 322]. При этом С.Ю. Витте выступал против постройки данной железной дороги, «находя его не только неразработанным, но и совершенно ненужным, непосильным для казны и способным отвлечь внимание России от других, более нужных железнодорожных сооружений и различных насущных задач, каковы – усиление нашей армии после разгрома ее в Манчжурии, и даже чрезвычайно опасным для нас, потому что Китай и Япония неизбежно увидят в этом предприятии новую угрозу их положению [12, с. 323–324]. В 1908 Столыпин смог добиться от Государственной Думы ассигнований на постройку Амурской железной дороги, которая дол-

жна была соединить Сибирь и Владивосток проходящей по территории России трассой.

О Сибири П.А. Столыпин писал: «Богатая всем, кроме людей, Сибирь только в приливе сюда живой русской рабочей силы может найти полноту хозяйственной и культурной жизни» [16, с. 1]. П.А. Столыпин прилагал все усилия для включения в национальную политику защиты азиатских территорий России от возможного захвата иностранцами и подчинения пограничных с Китаем малонаселенных местностей, «на тучном черноземе которых возможно было бы вырастить новые поколения здорового русского народа» [17, с. 113].

В письме к Николаю II 26 сентября 1910 г. Столыпин сообщал: «... прорывающийся из России в Сибирь смешанный поток богатых и бедных, сильных и слабых, зарегистрированных и самовольных переселенцев – в общем, чудный и сильный колониционный элемент. Прибавлю, элемент – крепко монархический, с правильным, чистым, русским мирозерцанием» [18, с. 82–83]. В целом программа правительства по хозяйственному освоению Дальнего Востока дала импульс для развития региона и его интеграции с другими регионами России [11].

В письме к А.П. Извольскому от 28 июля 1911 г. Столыпин делился своими мыслями о том, что «война в ближайшие годы, особенно по непонятному для народа поводу, будет гибельна для России и династии». Угрозу Столыпин видел именно с Востока: «Между тем, гроза не с одного Запада. Я в одном с Вами не согласен, даже после нашего весеннего разговора, – это в оценке Китая. Вернувшийся оттуда Гучков говорил мне, что он был поражен переменою не только в Китае, но и в китайцах. Вот где нам нужна и мудрость, и осторожность!» [19, л. 27].

В.Н. Коковцов, будучи министром финансов, призывал также забыть о широком размахе действий на Тихом океане и «сидеть смирно», соразмеряя намечаемые цели с имеющимися средствами [20, с. 35]. Говоря о результатах своей поездки на Дальний Восток [см: 21], Коковцов в воспоминаниях характеризовал Китай следующим образом: «Китайская власть слаба до последней степени и совершенно неспособна ни на какое сопротивление нам, если только мы стояли на почве нашего контракта. Она желала только одного – чтобы ее никто не трогал и не пытался приобретать для себя каких-либо новых преимуществ, так как за всякой уступкой в нашу пользу автоматически шли попытки со стороны других стран выговорить для себя какие-либо компенсации» [12, с. 404].

Таким образом, положение России на Востоке оставалось в центре внимания П.А. Столыпина и В.Н. Коковцова во второй половине первого десятилетия XX века. Для них было характерно понимание необходимости развития восточных регионов Российской империи, в которых виделся огромный потенциал для социально-экономического развития страны, при осознании необходимости избегать военных столкновений в Азии. Политика правительства была направлена на мирное включение территории Сибири и Дальнего Востока в экономическую и политическую жизнь государства, принимались решения по хозяйственному освоению Приамурья и Уссурийского края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Suvorov V.V. Views of S.Yu. Witte on the cultural and historical tasks of Russia in the East // Былые годы. Российский исторический журнал. 2017. № 45 (3). С. 1036–1043.

2. Ковалев М.В. Граф Владимир Николаевич Коковцов в эмиграции (по новым архивным материалам) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 8. С. 151–169.

3. Зайцев М.В. Изучение государственной и общественной деятельности В.Н. Коковцова в современной российской историографии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2017. Т. 41, № 1 (250). С. 123–132.

4. Наумова Н.И. Дальневосточная политика России в воспоминаниях В.Н. Коковцова «Из моего прошлого» // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2 (28). С. 85–87.

5. Авилов Р.С. По Транссибу на Восток. Визит министра финансов В.Н. Коковцова в Приамурский военный округ в 1909 г. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 38–49.

6. Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. 286 с.

7. Бородин А.П. Столыпин. Реформы во имя России. М.: Вече, 2004. 382 с.

8. Сидоровин Г.П. П.А. Столыпин: Жизнь за Отечество: Жизнеописание (1862–1911). М.: Поколение, 2007. 713 с.

9. Горчаков Е.А. Геополитические конструкции П.А. Столыпина по вопросу железнодорожного строительства на Дальнем Востоке // История в подробностях. 2011. № 8. С. 32–35.

10. Ткаченко Е.А., Ткаченко Л.Е. Взгляды П.А. Столыпина на окраинную политику государства и их ак-

туальность для современной России // Современная научная мысль. 2016. № 6. С. 50–54.

11. Галлямова Л.И. Особенности социально-экономического развития Дальнего Востока России в контексте реформ П.А. Столыпина // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2013. № 1 (167). С. 73–80.

12. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. Париж: Журн. Иллюстр. Россия, 1933. Т. 1. 505 с.

13. Российский государственный исторический архив. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 254.

14. Речь о сооружении Амурской железной дороги, произнесенная в Государственной думе 31 марта 1908 года // Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... М., 1991. С. 119–130.

15. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / пред. К.Ф. Шацилло; сост., коммент. Ю.Г. Фельштинского. М.: Мол. гвардия, 1991. 411 с.

16. Столыпин П., Кривошеин А. Поездка в Сибирь и Поволжье: записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. СПб.: тип. А.С. Суворина. 1911. 170 с.

17. Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 107–126.

18. Столыпин П.А. Письмо Николаю II // Красный архив. 1928. Т. 5 (30), № 5–7. С. 82–83.

19. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 340. Оп. 835. Д. 43. Л. 26–27 об.

20. Поликарпов В.В. Власть и флот в России в 1905–1909 гг. // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 32–50.

21. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 543. Оп. 1. Д. 303.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16–31–01046 а2.

**PERCEPTION OF THE EAST AND THE TASKS OF FAR EASTERN POLICY OF RUSSIA
IN THE VIEWS OF V.N. KOKOVTSOV AND P.A. STOLYPIN**

© 2017

Suvorov Valery Vladimirovich, candidate of historical sciences,
assistant of Philosophy, Humanities and Psychology Department

Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky (Saratov, Russian Federation)

Abstract. Activity of V.N. Kokovtsov and P.A. Stolypin, associated with the situation of Russia in the Far East after the defeat in the Russo-Japanese War, was held in the conditions of the need to solve the tasks of restoring the fighting capacity of the Russian army, improving the defense capability of the Far East and integrating this region within the empire. Under these conditions, the understanding of the importance of supporting the eastern regions of the Russian Empire was expressed, in which there was great potential for socio-economic development, while recognizing the need to avoid military clashes in Asia. V.N. Kokovtsov was involved in the Far Eastern and became Witte's successor as finance minister, since this ministry continued to play a decisive role in Eastern politics. Witte focused on the development of external relations between Russia and the Asian states and the desire to strengthen Russia's influence in the Far Eastern region, and then the eastern policy after the Russo-Japanese War was more oriented toward the development of the eastern territories of Russia. With the growing awareness of the importance of the internal eastern regions of Russia, the negative attitude towards the eastern states with which Russia bordered was strengthened. In general, the government's program for the economic development of the Far East gave impetus to the development of the region.

Keywords: Vladimir Nikolaevich Kokovtsov; Petr Arkadevich Stolypin; Sergei Yulievich Witte; Nicholas II; Russo-Japanese War; Portsmouth Peace Treaty; Russian empire; image of East; Siberia; Far East; Asia; Amur Railway; resettlement policy; China; Japan; Ministry of Finance.